ГРАНИ

23

1954

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ о жизни послевоенного переселенца в Израиль.

- А. Крамаровский
  - ○

А. Крамаровский
На святой земле

1. ЗЕМЛЯКИ

Палестина! Святая земля! Кто не мечтал о местах, где некогда родился и жил Христос, но вряд ли кто представляет их так, как они выглядят в настоящее время. Наше представление о Палестине связано с библейскими и евангельскими описаниями. О современном положении ее я, проживши в Советском Союзе вплоть до второй мировой войны, нигде не читал и имел самое отдаленное представление.

Попал я в Палестину в тягчайшие дни для русского человека, не пожелавшего возвращаться в сталинскую вотчину, т. е. пережив Страшный Лиенц и потом погоню энкаведистов за человеческими черепами. В Палестину вывезли меня евреи; корабль, на котором я плыл, попал в руки англичан, взят был в карантин, откуда ровно через неделю был я выпущен на все четыре стороны. Сразу же попал в кибуц, т. е. в еврейскую Коммуну, где вскорости почувствовал себя как дома. Работал я в кибуце только 4 часа, сначала дворником, а потом пчеловодом, и никто в эту мою работу не вмешивался. В комнате (отдельной) у меня висела икона, а в дни православных праздников (в эти дни я не работал), когда возвращался с прогулки, то видел, что кто-то у меня уже хозяйничал (дверь в кибуцах на ключ не запирается): стол бывал покрыт белоснежной скатертью и уставлен вкусными яствами и цветами, а на Пасху — и крашеными яичками. В кибуце я прожил 2 года и об этой жизни вспоминаю с умилением.

Кибуц — это нечто вроде наших колхозов. В нем всё обобществлено, даже мелкий скот и птица. Столовая общая, общая и прачешная. Здесь не думаешь о завтрашнем дне, не думаешь ни о питании, ни об одежде и обуви, ни о стирке белья. Всё бесплатно, но и заработной платы не выдают. Стахановщины и всяких трудовых норм здесь не существует.

Климат в Палестине жаркий: зимой дожди, а летом ни одной дождевой капли. Снег здесь явление исключительное: за предыдущие 50 лет выпал он всего 2 раза. Картофель, помидоры, редиска и другие овощи садят в год дважды. Апельсины снимают зимой. Паланы и лимоны — почти круглый год, но в основном тоже зимой. Зимою почти вся страна покрыта зеленью и цветами,

летом же земля выжжена: черна и желта (кроме, конечно, садов и апельсиновых и банановых рощ).

Овощей, ягод и фруктов здесь много: апельсины, яблоки, груши, бананы, грейпфруты, сливы и т. д. Нет только вишни. Она не принимается, хоть несколько раз и пробовали ее сажать. Не увидишь и ржаного хлеба и пшена. За все время своего пребывания здесь мне даже и попробовать их не удалось.

В кибуце я познакомился с одной русской семьей, по фамилии Жулины, состоящей из 6 человек: родители, два сына и две дочери. Глава этой семьи обучал меня пчеловодству в палестинских условиях, за что получал от кибуца небольшое вознаграждение. Семья эта приняла меня радушно и вскоре с ней я близко сошелся. Еще до моего прибытия в Палестину люди эти взяли советские паспорта и с нетерпением ждали отправки на родину.

В Палестине они разводили свиней, кур и индюшек. Имеют и пчельник, и огород, а небольшой участок земли, арендуемый у поселка, засевают пшеницей. Была у них и лошадь, и даже старенькая машина, от которой, признаться, все проезжие и прохожие шарахаются в стороны: уж больно неказиста и страшна. Дом их, состоящий из 4 комнат и еще одной в подвале, расположен в причудливой местности, окруженной со всех сторон горами. Жулины очень гостеприимные и радушные люди. Религиозны: библию и евангелие знают в совершенстве и очень любят беседовать на религиозные темы. Любят, впрочем, и посмеяться и пошутить. Жена Жулина, попавшая в Палестину 13-летней девочкой, владеет несколькими языками: помимо своего родного, знает она иврит (древнееврейский), немецкий, арабский и английский, а кончила она всего только начальную школу. Сам Жулин — страстный охотник и рыболов, а раз так, то конечно и балагур и шутник. Охотится он на диких свиней. С ним охотится его друг и приятель Комиссаров Иван Леонтьевич. Этот — холостяк, а по специальности — плотник, каменщик, электромонтер и пчеловод. Года 2 тому назад он побывал в Америке, которая по ряду причин ему не понравилась.

«Что это за страна!» — жаловался он приятелям, — «Сказал, что завтра приду в 12 часов, значит непременно точно приходи, а если хоть на часик опоздаешь, так с тобой с тех пор и дела никакого вести не будут, а тем более, если кого в простоте душевной дураком назовешь. А здесь, примерно, скажешь: приду в 12 часов, а придешь, когда смеркнется — все же дело с тобой поведут. А ежели кого обругаешь здесь, даже матерком запустишь, — не обижаются так, как в Америке: дела с тобой из-за этого не прервут. На матерок ответят тем же, ежели не хлеще…

Одним словом: не нравится мне Америка…»

Русских здесь немного: около 50 семей. Разбросаны они по всему Израилю, но главным образом живут в портовом городе Хайфе и его окрестностях. Все они, за малым исключением, бежали из Советского Союза по религиозным и отчасти по политическим убеждениям.

После нескольких тяжелых лет они зажили в Палестине в полном достатке. Приобрели здесь специальности шоферов и механиков, попереженившись, понастроили себе неплохие домики, иногда и виллы, понародили немалое количество детей и… под впечатлением побед Советской армии над Германией и засыпавших страну «Огоньков», заболели заразной болезнью советского патриотизма. Выправив советские паспорта, они с нетерпением ждали «счастливой» минуты, когда советский консул отправит их всех на родину. Этой болезнью заразились не только легально выехавшие, но и те, которые с большим риском для жизни, по образному выражению Ю. Б. Марголина, «крали» ту или иную границу.

Я, эмигрант второй мировой войны, познакомился с некоторыми такими семьями. Прежде всего — с семьей Жулиных, о чем говорил выше. Познакомившись, рассказал им о том, как несчастен русский народ на родной земле. Рассказал о добровольной сдаче миллионов русских солдат в немецкий плен и о их гибели, о лиенцевской трагедии, о гитлеровских и сталинских зверствах, рассказал то, что пережил я, мои родные и друзья.

Жулины меня выслушали и, не показывая виду, мало чему поверили. Хорошего отношения ко мне, однако, не переменили. Не раз и не два мне вместе с Комиссаровым приходилось разговаривать о безрассудности возвращения, но убеждения наши почти не действовали: люди стосковались по родине. Сколько раз говорил я самому себе: «Да чёрт с ними, пусть, если хотят, так лезут в пекло!» Но тут же перерешал: «Нет! Нельзя допустить! ведь такие хорошие люди, радушные, гостеприимные…»

Прошел год, и в начале второго семья эта, к которой питал я глубокое уважение, отнесла консулу свои советские паспорта.

Жулин сказал при этом: «Мы — свидетели Иеговы и думаем, что советскому правительству вряд ли будем полезны; по нашим законам мы не имеем права брать в руки оружие для братоубийственных войн».

Вслед за старшим Жулиным сдал советские паспорта и брат его Михаил, переслав в консульство почтой. По специальности — он отличный шофер и хороший фермер. В прошлом году в автомобильной аварии он потерял правую руку. Теперь, в

компании со своим старшим братом, разводит свиней. Это простой полуграмотный труженик. Семья его состоит из шести душ: его самого с женой, трех дочерей и сына. Дети, за исключением младшей дочери, которой сейчас 11 лет, работают. Старшая дочь работает секретарем директора банка, а остальные дети — на заводе. Все они говорят на нескольких языках. Жулины имеют свой собственный деревянный дом из 4 комнат, содержащийся в исключительной чистоте. В доме у них радио, небольшая библиотечка из английских и французских книг. Стены комнат украшены репродукциями картин Третьяковской галереи, а во дворе, на небольшом участке земли, — огород и птичник.

Большинство русских семей прибыло из Персии еще до второй мировой войны, а небольшая часть явилась сюда уже после израильско-арабской войны, выдав себя за евреев. Всем им израильское правительство отвело участки земли, выстроило каждой семье по небольшому домику, дало им по 18 кур, трубы для поливки огорода, словом — помогло стать на ноги. Дети их вскоре были призваны в армию, в которой и прослужили по 2 года.

Семья Милюхиных: отец, жена и сын их бежали из Советского Союза в дни «головокружения от успехов». На собственном баркасе, украденном из колхоза, они вместе с другой рыбацкой семьей переплыли Каспий и очутились на персидском берегу. В Персии пережили заигрывания Моссадыка с советами и, опасаясь, как бы чего не вышло, вместе с другими семьями, объявив себя субботниками, прилетели в Израиль. Сын их работает на постоянной работе в кибуце (по политическим взглядам теперь разделившимся на два), не в «просоветском» кибуце, а в том, который сочувствует партии бывшего премьер-министра Бен-Гурион. Сам же Милюхин работает, где придется, не постоянно. Живут они в небольшом городке, недалеко от горы Фавор. Двор Милюхиных резко отличается от соседних своей чистотой, а главное — небольшим садиком и птичьим неугомонным царством. Люди они простые, никаких университетов и академий не кончили, но своим радушием, приветливостью и чистосердечностью подкупили всех. Все их уважают за неподкупную честность, прямодушие и отзывчивость. Между прочим, они решили рассказать о себе правду: пошли к раввину и заявили ему, что они русские. Тот посмотрел на них и, улыбнувшись, ответил:

«Да я и сам вижу, что вы не евреи». А вскорости помог им переменить их документы. Счастливцы! Никто их не тронул, не выгнал с обжитого места, и живут они попрежнему в окружении

кур, уток, индюшек, гусей и также попрежнему хозяйничают в огороде.

Несколько семей, приехавшие сюда, как субботники, в количестве 27 человек, около года тому назад выехали в США.

Есть здесь одна русская, 30 лет тому назад бежавшая вместе со своим грудным сыном с советских рыбных промыслов, граничащих с Персией. Была она женой большого начальника, жила в полном достатке, деньгами сорила, как хотела, (было ей тогда только девятнадцать лет), но… кровь расстрелянного отца не могла простить советской власти. На лодке моторист-перс (не посмел ослушаться: большого начальника жена!) вместе с ее няней, под чадрой которой был спрятан ребенок, перевез их на противоположный персидский берег. После ее бегства все персы, служившие у советов в таможне, были уволены. В войне с арабами сын ее погиб смертью храбрых на стороне Израиля. Сейчас она вместе со своим вторым сыном (от еврея, с которым разошлась) живет в Хайфе, имеет прекрасную благоустроенную квартиру, получает за погибшего сына пенсию и ведет в женской организации общественную работу. Второй сын ее — капитан небольшого израильского военного корабля. Она очень любит читать газеты, а особенно русскую газету — «Посев».

Есть здесь и одна очень большая семья, но уже расколовшаяся на четыре. Глава ее, старик лет за 60, взял советский паспорт и вместе с младшим сыном собирается в Россию. Он тоже устроен неплохо: имеет деревянный домик из 3 комнат, старенький автомобиль, огород, птицу. Он очень набожен — (молоканин) и на мои рассказы о жизни в Советском Союзе ответил: «Что Бог даст. Помирать туда поеду… Церкви там теперь открыты, значит и нашу не запрещают, а язык… на язык укорот есть».

Между прочим, жена его, симпатичная старушка, всеми мерами отговаривает мужа от сумасбродной затеи, да и младший сын, с которым он живет, и невестка не горят энтузиазмом попасть на родину. Старший же сын старика, тоже одно время поддававшийся советскому патриотизму, благодаря жене, гречанке по происхождению, советские паспорта всё же сдал и теперь собирается ехать уже не в СССР, а в Америку. По профессии он шофер-механик, имеет из 4-х комнат дом, а возле дома небольшой участок земли для огорода. У него пятеро детей, которые, очевидно, благодаря матери, очень сопротивлялись желанию отца вернуться на родину. Двое из сыновей его работают (один шофером-механиком, другой — столяром), а остальные трое учатся.

С одним русским, с которым я познакомился год тому назад, я близко сошелся. Женат он на арабке, очень симпатичной

молодой женщине, хорошо говорящей по-русски, православного вероисповедания. Рассказывал, как два раза пытался перейти границу, но в первый раз был пойман и отправлен по месту жительства (ГПУ признало его не совсем нормальным). Через год (в 1928 г.) бежал он вновь (ему было тогда 18 лет), но не через персидскую границу возле Ленкорани, а через афганскую. Из Афганистана его отправили в Ирак, хотя он просил, чтобы его отправили в Китай, потом очутился он в Персии, а через два года пробрался на Святую Землю. Бескомпромиссный антикоммунист, он вот уже 15 лет работает в американской фирме. Мастер на все руки: он и механик, и скульптор, он и художник, и электромеханик и — плюс ко всему этому еще большой фантазер на всякие удивительные вещи. Одним словом: настоящий Кулибин нашего эмигрантского зарубежья.

Отзывчивый на нужды других, с мягким и добрым характером, Боровко Василий Ефимович, о котором в газете «Новое Русское Слово» от 8 ноября 1953 года, в статье Ю. Марголина «Русские в Израиле» написано несколько теплых строк, имеет четверых маленьких детей, старшей из которых 8 лет. Его заветное желание выехать в Америку.

Проживает здесь и другой мастер на все руки, правда, не художник и не скульптор, но зато, подобно Эдиссону, без конца, пожалуй, даже и во сне, что-то изобретающий. Сам по себе сделал стиральную машину, радио и что-то еще и еще мастерит в своей убогой мастерской. Приготовил немало всяких патентов, которые реализовать почему-то всё еще не решается. Женат он на еврейке, чудом спасшейся из гитлеровских лагерей смерти.

Есть здесь две русских семьи, приехавшие из Китая. Главы их женаты на еврейках. Один, выучив древнееврейский язык, работает бухгалтером. Работает и его жена. Оба они образованные люди, интересуются и литературой и политикой. Будучи в Китае, муж выпустил небольшую книжку своих стихотворений, очень недурных, и, как он выражается сам, «несозвучных эпохе». Они очень гостеприимные и скромные люди.

Несколько русских семей живет здесь при советских церковных домовладениях, которые вот-вот развалятся от бремени долголетия и беспризорности. Некоторая часть русских, приехавшая сюда как паломники еще до первой мировой войны, были в первые же дни войны турецким правительством интернированы в Египет, а после окончания её некоторые из мужчин обратно не вернулись. Вернувшиеся — на родину не пожелали.

Эмигрантов последней войны, за исключением меня, как

будто еще нет, если не считать около десятка женщин, вышедших замуж за польских евреев.

Как правило, все русские женщины, вышедшие замуж за китайских и русских евреев, живут прекрасно, а вышедшие замуж за польских — не все, особенно плохо тем, кто посещает православную церковь и находится в окружении родных мужа, принадлежащих к числу ортодоксальных верующих евреев.

Возможно, что есть и еще русские беженцы последнего времени, но о них пока ничего не слышно: очевидно пока не обнаруживают себя.

Есть здесь и такие русские, о которых как-то неприятно говорить, — пьяницы и босяки. Их к счастью очень немного, к тому же — я им очень благодарен за то, что они взяли советские паспорта и ведут очень большую «пропагандную работу» среди еврейского населения, хорошо их знающего. Исключение из них составляет один «порядочный» пьяница. Как-то я спросил его:

— Хочешь поехать в Советский Союз?

Он ответил:

— В Советский Союз не хочу, а в Россию… даже пешком пойду…

Б православных монастырях доживают век русские монашки: древние, сгорбленные временем. Из России они прибыли сюда еще до первой войны. Недавно в одной статье в еврейской газете было опубликовано следующее (передано своими словами): в Иерусалиме русской духовной миссией ремонтируется собор. Ремонтируют его еврейские рабочие. Как-то заходят в собор две древние восьмидесятилетние монашки: «Боже, Боже мой!», всплескивают они руками, — «До чего же мы дожили: наш святой храм нам жиды ремонтируют».

В Назарете, где живут только одни арабы, русских нет, за исключением одной старенькой монашки, живущей при греческой православной церкви, подчиненной московской патриархии. Много в Назарете соборов, церквей и монастырей, а вместе с ними и священнослужителей, но коммунистов еще больше. В этом святом городе подлинное засилье коммунистов, и они там — как у себя дома…

Среди русских из детей мало кто кончил здесь гимназию, не говоря уже о высшем образовании. Правда, дети русских, родившиеся здесь, в подавляющем большинстве владеют несколькими языками.

Как-то раз у Жулиных собралась небольшая компания, я прочитал ей несколько стихотворений из «Нового Журнала», из «Браней» и «Возрождения». Выслушав их и покачав головами, на мой вопрос: нравятся ли стихи, они ответили:

— А что тут нравится? Какие-то непонятные…

Тогда я прочитал им несколько стихотворений Пушкина, Лермонтова, Никитина и Кольцова.

— Ну, это другое дело! — радостно воскликнули все.

Комментарии к этому излишни. Простой человек современных модернизированных стихов не читает.

По вероисповеданию русские разделяются на православных, баптистов, молокан и «свидетелей Иеговы», но, несмотря на это, большинство из них, а особенно те, кто примкнул к недавно организовавшемуся объединению русских беженцев, живут между собой дружно: ходят в гости и помогают друг другу. В объединение русских беженцев принимаются все без различия вероисповедания и партийной принадлежности. Не принимаются только коммунисты и просоветские. Организация это небольшая: всего 18 семейств — 55 человек.

Теперь немного о герах, то есть о тех русских, которые приняли еврейство и сделали себе обрезание. Таких, примерно, 8–10 семейств. Все они многодетны и живут зажиточно: имеют свои дома и почти что все, за редким исключением, работают шоферами или механиками. Некоторые их них начинают отходить от еврейства. Большая часть их настроена антикоммунистически., В войну Израиля с арабами молодежь их сражалась на стороне Израиля. Несколько человек из них было убито. Пострадали в этой войне и мирные жители: в одном монастыре, находившемся на линии боевых действий, были убиты все монашки.

2. ПО ГЕННИСАРЕТСКОМУ ОЗЕРУ

Ну и скучища же в знойной Бершеве, в израильском Казахстане, где русских ни единой души, за исключением собственной персоны. Беер-Шева, — что означает семь колодцев Авраама, из которых несколько сохранились и поныне, — бывший арабский город в центре пустыни Негев. Он построен по плану немецких архитекторов с широкими и прямыми улицами, но с плоскокрышими домами, обнесенными высокими каменными стенами. С трех сторон города возвышенности, а с четвертой — степь. Сейчас в Бершеве не осталось ни одного араба; во время последней войны с Израилем они ушли в Египет. Через несколько лет после войны города не узнать: появился новый город, новые заводы и новый театр, один из лучших во всем Израиле.

Рано утром такси мчал меня из Бершевы к городу Хайфа по пустыне Негев. Вернее, это — голодная степь, куда сейчас

проводят воду. Кое-где попадаются кибуцы, то-есть сельскохозяйственные коммуны, и небольшие беленькие домики только-что построенных израильских деревень, (мушавы). Машина нигде не останавливается. Шофер молчит, молчат и пассажиры. Ни птицы, ни зверя, лишь изредка вдалеке от шоссе спокойно пасутся длинноногие аисты, не обращая никакого внимания на автомобиль. Он им не в диковинку!

Унылая однообразная степь без единой речушки и какого-либо малюсенького озерка! без леса и чахлых кустиков, если не считать по бокам шоссе (квиша) недавно посаженных эвкалиптов. И — невыносимая жара, а с обеда — ветер и пыль, навевающие на каждого непреодолимую тоску. Кое-когда попадаются черные палатки кочующих бедуинов, двугорбые верблюды, бедуинки, с ног и поверх головы в черном одеянии, с татуированными лицами, серебряными серьгами в ноздрях.

Я еду к русским, где отдыхаю душой и телом, но не языком: намолчавшись в Бершеве, я говорю, говорю… В эту поездку по приглашению Николая Жулина, моего лучшего друга и первого моего знакомого в Израиле, я решил вместе с ним прокатиться по окрестностям Геннисаретского (Тивериадского) озера.

Около 4-х часов я дремал в такси. Когда проехали Негев, природа оживилась: проносимся мимо апельсиновых и банановых рощ, виноградников, мимо прекрасных израильских деревень, нисколько не похожих на наши русские. Домики их — как виллы и коттеджи, заросли кругом густолиственными деревьями. Теперь мне уже не дремлется. Мы мчимся вдоль берега Средиземного моря, рокот которого доносится до моих ушей. Вдали показался живописный портовый город Хайфа, расположенный по горе Кармель и под нею. В Хайфе я, ни на минуту не задерживаясь, иду на автобусную станцию около железнодорожного вокзала. От Хайфы и до Кирьят-Хорошет местность живописная, нечто вроде предгорья Кавказа. Здесь уже не равнина, а холмы. Горы покрыты дубами, рожковыми деревьями, маслинами, библейскими смоковницами и другими, названия которых я всё еще и до сегодня не запомнил.

Автобус идет вдоль маленькой речушки Кишон (по-библейски — Киссон), заросшей низкими олеандрами и осокой, где Николай Жулин в свободное от работы время любит половить рыбу. По одну сторону этой прелестной речушки — причудливые холмы, по другую — крутая гора Кармель, на которую так и манит тебя забраться. Дубовый лес, вечно-зеленый, темный и, как араб, гостеприимный.

«Кирьят-Хорошет»! — бросает пассажирам шофер, и несколько человек, в том числе и я, сходит с автобуса..

Жара невыносимая. До Жулиных идти 10 минут по каменистой дороге. Вдоль нее ни деревца, ни кустика, одни только редкие хорошенькие домики — с плоскими крышами без труб (печек здесь нет).

Домик Жулиных — у небольшой горы, на которой находится кибуц Киват-Зайд (в нем когда-то, после своего приезда в Израиль, прожил я 2 года).

Подхожу всё ближе и ближе. Причудливый по архитектуре дом их со своими 4-мя комнатами, и двумя террасами, окружен горами. С трех сторон — сосны, а с четвертой — виноградник, поднимающийся вверх, в гору по ступенькам. Жилище Николая мне всегда напоминало библейские картины художника Семирадского. У дома — сливы, гуява, гранатовые деревья, цветник, а на плоской крыше пчельник.

Встречает меня Поля, жена Николая. Русское открытое лицо её расплылось в приветливую радостную улыбку:

— Наконец-то, дядя Александр!.. Аж заскучала по вас. Всё время вас ждали, и я была уверена, что сегодня обязательно приедете.

Идем в комнату. Навстречу мне подбегает Валя, девятилетняя дочь Жулиных.

— Ну, белобрысая, что сегодня лодырничаешь, а не в школе?

— Так сегодня же воскресенье. Мы не учимся и в воскресенье и в субботу.

Вскоре пришел Николай, мужчина лет за сорок пять, среднего роста. Одет неважно: щегольством не отличался. Костюмов Николай не любил и галстуков не любил: в большие праздники жена ему эти «собачьи ошейники» завязывала сама.

— Ну вот и дядя Александр пожаловал, — протянул он мне крепкую руку, от пожатья которой мне не раз приходилось выплясывать камаринскую.

— Что же? Послезавтра и на охоту. Без сего удовольствия, ведь со скуки сдохнешь, а?…

Поля уже начала жарить на примусах мясо дикого кабана, несколько дней тому назад убитого у гор Генисаретского озера. О Поле не мешает сказать еще несколько слов. Помимо того, что в окрестности слыла она замечательной хозяйкой, славилась она еще и тем, что знала секрет лекарства, которым вылечивала больную птицу. Случалось, кругом сплошь сдыхали куры, а у нее — ни одна. Много пользы принесла она соседям. Свой «патент» бережет и сейчас до поры до времени…

* * *

Через два дня на собственной Николаевой машине, помятой, облезшей и обшарпанной (в Америке такая давным-давно валялась бы на свалке), которую за её удивительную неказистость и дряхлость знакомые называли тарантасом, катили мы по долине Емек (Галилея), вдоль горы Кармель, на вершине которой, против деревни Кирьят-Хорошет, из-за леса виднелся монастырь пророка Ильи, а внизу, чуть ли не у самого подножья горы, высился одинокий невысокий холм. На этом холме по приказу Ильи было уничтожено 400 лжепророков, (3-е Царство, гл. 18, ст, 25–40). Кровь их была пущена в реку Кишюн, вдоль которой мы, не останавливаясь, мчались. Проехали несколько деревень, беленькие дома которых утопали в гуще эвкалиптовых и маслиновых деревьев и акаций.

Вскоре завиднелась вдали куполообразная библейская гора Фавор, а на макушке её — окруженный деревьями католический монастырь. Здесь произошло Преображение, и часто, проезжая мимо этой горы, одиноко стоявшей от других гор в стороне, я уносился мысленно в те библейские времена, когда родился и жил Христос. В монастыре я еще не был (слишком высоко подниматься), а хотелось бы. В более свободное время договорились с Николаем всё же побывать там.

Подъезжаем к Афуле, новому городу, застроенному белыми каменными домиками, в большинстве одноэтажными, резко отличающимися друг от друга. Зелени в городе еще мало: не успела разрастись. За Афулой, в нескольких километрах, подымаемся в горы, безлесые, пустынные, словно жалующиеся на свою заброшенность.

Дорога то поднимается, то опускается вниз, и наш «тарантас» тарахтит, мчит нас вперед. Проезжаем мимо деревеньки, похожей на черкесский аул: домики напоминают сакли. Здесь со времен Абдула обосновались черкесы, не забывшие ни своего языка, ни своих обычаев. В израильско-арабской войне они героически сражались на стороне Израиля.

В ауле мы не останавливаемся, мчимся дальше. Через часа полтора спускаемся в долину, в деревню Явно, где живут, главным образом, геры, то есть русские, принявшие еврейство. Деревня выглядит по-израильски: русского в ней нет и в помине, если не считать по бокам улиц высокого бурьяна. Обычная израильская деревня с белыми одноэтажными домиками в 3–4 комнаты. Домики ее с плоскими крышами, но без труб. Долго не мог я привыкнуть к домикам без труб, — словно недостроенным. Здесь мы тоже не останавливаемся. «Тарантас» снова поднимает нас в горы, угрюмые и нелюдимые, и мчит всё дальше и дальше. Жара невыносимая.

Вскоре перед глазами открывается долина, вся утопающая в зелени садов, банановых рощ и эвкалиптов, а дальше серебристо заблестело тихое Геннисаретское озеро и река Иордан. Проезжаем каменный мост через эту священную реку, не широкую, но величавую, окаймленную по обоим берегам лесом из сосен, эвкалиптов и еще каких-то незнакомых мне деревьев. Местность эта напомнила мне вдруг заброшенный уголок на Хопре, недалеко от Дона. Берега Иордана, истоптанные бесчисленными туристами, отлоги у спусков заросли осокой и камышом.

— Ты на что так воззрился? — спросил я Николая, который пристально глядел в сторону от реки.

— Кажется, змеи, и не одна, а несколько штук, — ответил он; — Никогда не было их столько, как в этом году. Уж человек 12 умерло от укусов… И газеты предупреждали.

Недалеко от Иордана расположена деревня, по своей разбросанности напоминавшая нам донские казачьи хутора. Мчимся дальше, в сторону от озера.

Через 15–20 минут въезжаем в Кибуц Шет-Иаков, заросший эвкалиптовыми деревьями, акациями огромных размеров, смоковницами, в тени которых ютятся одноэтажные и двухэтажные домики с маленькими балкончиками для каждой квартиры. Сначала останавливаем машину у сельскохозяйственных построек возле высокой водонапорной башни. Небольшой ветерок доносит до нас запах навоза и сена, а в уши, уставшие от трескотни машины, мычанье коров и блеянье овец. Постройки для животных здесь фундаментальны: по последнему слову науки. Кибуц этот уж не напоминает ничем наши колхозы, даже и самые богатые.

Николай здесь на службе: оберегает огороды и банановые рощи от диких кабанов, периодически появляющихся со стороны Сирии.

— Сначала идем в мой отель, — говорит он, и мы по тенистой аллее направляемся в «отель» — деревянный домишко, предназначенный к сносу, в тени от нависших над ним деревьев. Открываем дверь. Небольшая комнатка, по двум стенам стоят два топчана. На одном — рваный матрац, другой матрац, но еще хуже — на полу.

— Ну вот, — улыбнулся Николай, — здесь и переночуем! Удобно, а главное бесплатно и при бесплатном питании.

Кибуц Шет-Иаков по политическим разногласиям разделился на два: мапайский (рабочая правая партия) и мапамовский (левая, просоветски настроенная партия, как две капли воды похожая на итальянскую социалистическую партию (Ненни). Раздел полный. Отдельные столовые, прачешные, конторы и

сельскохозяйственные дела.

Уже вечер. Идем в мапамовскую столовую: обширную, просторную залу, заставленную столами с белоснежными скатертями. На столах пшеничный хлеб, салат, помидоры, маргарин, лапша и полусладкий чай. Бери, сколько хочешь. Минут через 5 подъезжает к нашему столу тележка, и разносчик подает по яичку, предварительно справившись: крутое или всмятку.

Оглядываюсь кругом. На стенах ни портрета Герцля (основоположника сионизма), ни портрета Вайцмана (умершего президента Израиля), ни даже портретов советских вождей, которые в совсем недавнем прошлом (до процесса Сланского и врачей) еще висели здесь. Поговорить ни с кем не пришлось. Решили пойти в мапайскую столовую. Тут к Николаю сразу подошел кибуцник, поздоровался и пригласил ужинать. Мы сказали, что только поели, но кибуцник все же усадил за стол. Подали тоже по яичку и по блюдечку сметаны ко всему тому, что уже было на столе: маргарин, салат, помидоры, лапша, чай и хлеб. Разговорились. Я спросил кибуцника, как, по его мнению, должен поступать Израиль, если между Западом и Востоком вспыхнет война. — Должны держать нейтралитет, — ответил он. — Собственно говоря, — подумав, добавил он, — мы должны быть на той стороне, где более выгодно.

Я спросил: значит и с коммунистами войдете в контакт, если пообещают выгоду?

— Нет, нет! — слетка растерявшись, ответил кибуцник. — Вы не так меня поняли.

— Ответ был ясен, — пожал я плечами. — Неужели таков взгляд и нашего израильского правительства? Кибуцник смутился окончательно и заторопился уходить: — Извините! У меня сейчас срочное дело… «Скатертью дорожка!» — подумал я и крикнул вдогонку ему: — В прошлом я за мапайцев голосовал, а теперь буду за сионим-клионим! (буржуазно-прогрессивная партия).

Хотелось спать, мы с Николаем поднялись и пошли в свой отель. На следующий день рано утром мы отправились к границе, чтоб посмотреть упоминаемую в библии Галаадскую долину, находящуюся в арабской части. Мы стояли на небольшой возвышенности, примерно, в километре от границы, а перед нами расстилалась прелестная местность: вся в зелени, в садах, с рекой Ярмух, которая извивалась, пряталась в пуще деревьев. Как средневековые замки, белели дома с плоскими крышами. Здесь еще не было ни одного вооруженного инцидента с арабами, так как большая часть Галаадской долины принадлежит персидским помещикам. Галаад означает: «холм свидетельств». Здесь

израильтяне во главе с Моисеем сражались с жителями-язычниками и завоевали эту страну, которую называли позже страной «молока и меда» (Числа 32; 1–17). Здесь же тесть Иакова преследовал Иакова, и здесь они встретились и заключили союз о ненападении, более прочный, чем теперешние союзы такою типа. Галаадская долина в библии упоминается не раз (Суд. II: 1–40) и (Быт. 31: 47–52).

Долина снова напомнила мне наши придонские луга с рекою Медведицей, если смотреть с гор на утопающие в садах и левадах казачьи хутора, чуть ли не сплошной лентой тянущиеся по предгорью.

Через час мы снова катили к Геннисаретскому озеру в кибуц Енгев, граничащий с Сирией. С одной стороны кибуца — озеро, а с противоположной, почти тут же рядом — высокая отвесная гора, на вершине которой видно большое арабское селение. Кибуц в дни прошлой войны с арабами выдержал длительную осаду и героически отстоял свою землю. Кибуц этот рыболовецкий, но имеет также банановые рощи и огороды. В нем — большой театр, в который в навигационную пору, когда здесь не так жарко, съезжаются туристы со всего Израиля. Как и Геннисаретское озеро, кибуц лежит ниже уровня моря (в летнюю пору поэтому здесь такая невыносимая жара). — Около озера — целебные горячие источники, работающие круглый год.

В Енгеве мы пошли к главе кибуца, которому Николай заявил, что приехал охотиться, и потом тотчас же выехали. Остановились у берега озера, на голубой поверхности которою порою вспыхивали серебристые блестки. У берега шелестел — высокий камыш.

К вечеру, взяв ружья, мы поднялись в гору. Николай находу инструктировал меня, как охотиться. Потом свернул от меня в другую сторону и вскорости скрылся в зарослях камыша. Иду, а сам посматриваю на гору в сторону арабской деревеньки, ругаю себя, что связался с этой кабаньей охотой. Вот-вот, думаю, раздастся с арабской стороны, из какой-либо засады, выстрел — и не будет дяди Александра. Подтягиваю к подмышке ружье и озираюсь… Николай зашел с другой стороны зарослей, а я должен выгонять кабанье стадо в его сторону. Охочусь я впервые и, по правде сказать, не совсем твердо понял наставления учителя.

В стороне что-то зашуршало, даже, как показалось мне, хрюкнуло. Насторожившись, присел на корточки. Осматриваюсь… Впопыхах, а может быть и со страху, нажал курок, вижу: мелькнуло что-то в зарослях. — Бац-бац!

— Да ты что, одурел, что ли, сукин сын!

— Сначала услышал голос Николая, а потом и самого увидел. — Ошалел!! — ругался он.

Стою ни жив, ни мертв. Николай (должно быть я уж очень походил на идиота!) подходит, смотрит на мое лицо и вдруг начинает смеяться.

— Немного ошибся, дядя Александр! Вот бы кабана привез — моей Поле!

— Нет уж, баста, хватит, — сказал я, придя в себя. — Охоться один! Я тебе, брат, не помощник! — И я ушел к машине, а Николай только к вечеру вернулся, хоть и без свиней, но с разодранной щекой: споткнулся о пень и упал прямо на клык дохлого кабана.

Отправились на ночевку в Енгев. За ужином Николай увидел знакомого. Подошли к нему. Разговорились. Русским языком владел он в совершенстве. Принадлежал к партии мапамников, но сам лично был настроен антисоветски.

— Я бы хотел, чтобы вы поговорили с моей женой. Из России она в 1947 году. Я хотел бы, чтобы она рассказала вам, что пережила. В дни войны и после работала она в одном из колхозов в Нижегородской области. Уму непостижимо, что, по ее рассказам, творится там.

Вскоре мы были у него на квартире. Небольшая комнатка с маленькой террасой, уютно обставленная, радио… «Значит, кибуцы укрепляются, богатеют, жизнь кибуцников улучшается», — подумал я.

У них было двое детей. Дети в кибуцах не живут с родителями, а отдельно, в благоустроенных общежитиях. В свободное время родители посещают их. Встретила нас среднего роста смуглая женщина. Разговорились. Рассказ ее о жизни советских колхозов сводился к следующему: мужчин в колхозах очень и очень мало. Вся работа — и тяжелая и легкая — на женщинах и подростках. Все стараются прикинуть себе трудодней, что с помощью бригадиров порою и делалось. Со времени революции в облике крестьянина и особенно крестьянки мало что изменилось: ни в быту, ни в одеже. Матерная брань и пьянство, как обычно. Нищета еще хуже, чем прежде. Постель — рваное тряпье. Семья по большей части спит на полу. Колхозницы, как правило, ходят без трусиков. Неграмотных почти нет, но малограмотных много. Радио нет, так как электрическое освещение только в очень редких колхозах. Инвалидов множество, громадное большинство их нищенствует.

Нельзя никоим образом сравнивать жизнь колхозника с жизнью израильского крестьянина и кибуцника. Кибуцник, как правило, владеет несколькими языками, читает газету, имеет свое

радио, разбирается в тонкостях политики и живет вполне культурной жизнью.

В конце своего рассказа женщина спросила меня:

— А вам нравится в Израиле и в кибуцах?

— Да, — ответил я, — очень нравится. Сплю спокойно. Могу говорить о чём угодно, читаю всё, что хочу. К кибуцах мне только одно не нравится, что заработную плату в них не дают.

— А зачем она в них? При отпуске и её дают.

— Да, это правда! К тому же редкий кибуцник не имеет в каком-либо государстве родственников и друзей. Я думаю, что нет другой страны, кроме советской, где жители не получали бы откуда-нибудь из заграницы посылок… Вот я грешный: зять у меня имеет сестру в Англии, двух дядей в Бельгийском Конго, одного в Уганде, а в Америке тоже одного родственника, по профессии маляра, но который помогает нам больше, чем все остальные, вместе взятые. Пойдешь на нашу почту, вся она завалена посылками Наш народ разбросан по всему земному шару, но больше всего нас в Америке и в России. Умерла матушка Россия…

О чём только мы не разговаривали. Кибуцник этот очень образован, кончил 2 университета, инженер по специальности, интересуется христианским учением и просил даже присылать ему православный журнал.

— Да, — закончив свою биографию, заключил он — а таких, как я — инженеров, техников, врачей, бухгалтеров, коммерсантов — по кибуцам очень много. Я работаю здесь бухгалтером и этим горжусь. Ведь мы, кибуцники, патриоты своей родины.

Я поинтересовался историческими местами Енгева.

В нашем районе, к сожалению, их нет, ответил кибуцник — это в Тивериаде и дальше. Там их много: Микдель, Капернаум, сама Тиверия.

* * *

Через час наш «тарантас» катил по направлению Тивериады. Опять по Каменному мосту, переехали Иордан, к городу, выстроенному в честь римского императора Тиверия, в садах которого некогда Саломея танцевала перед царем Иродом, за что потребовала голову Иоанна Крестителя.

Вскоре показался и город. Мало что сохранилось в нем с тех исторических времен. Каменная набережная, остатки базальтовых стен крепости, уже порядочно разрушенных.

Город Тивериада расположен и на самой горе, и на склоне её.

Больших зданий нет, всё больше одноэтажные и двухэтажные. Многие из них построчены из базальтового камня. Здесь, как нигде, чуть ли не каждый дом — отель. До войны с арабами город был заселен исключительно арабами и от боев нисколько не пострадал. Жители-арабы ушли в Сирию. Город очень красив, но чистотой не отличается. Недалеко от озера небольшой красивый парк из вечнозеленых деревьев. Каменные скамеечки, клумбы цветов, причудливых и ярких, каких я не видел ни у себя на родине, ни в Европе. Остановились у парка. У Николая везде знакомые, чуть ли не пол-Израиля. Подошли к нам два гражданина в коротких штанах (здесь все ходят в коротких штанах, а особенно летом, — и старые и малые, и женщины и девушки).

— Ты что же, Никола, забрался сюда? — спросил один из мужчин, лет этак за 40 (в Израиле не принято именовать по имени-отчеству).

— Да что… вот на охоту едем!

— На чём же едете: на автобусе или на своем?.. Может, поменяемся? Вон видишь: стоит моя телега с ослом?

— Согласен, — отвечает Никола. — Только с условием.

— Это с каким же?

— Меняюсь на телегу с двумя ослами.

— Да где же я второго возьму?

— А про себя забыл? — улыбнулся Николай.

Местные жители никогда не обижаются на шутку, даже и острую. Евреи любят шутить, слушать анекдоты и подшучивать друг над другом.

— Вы куда же теперь отправляетесь? — снова спросил Николая его знакомый.

— Сначала в русский сад, потом в Миндаль, Капернаум и Хулу.

Через несколько минут мы снова мчимся вдоль гор по живописному берегу Геннисаретского озера.

— Знаешь, кто это был? — спросил Николай.

— Откуда же мне знать?

— После этой войны был он одним из руководителей английской репатриационной комиссии. Как-то рассказывал мне, что в то время он передал советам около 5000 русских, а через неделю ему стало известно, что около 2000 из них советы расстреляли. После этого он воспылал к советам ненавистью.

— А до этого? — спросил я.

— Чуть ли не коммунистом был…

Проезжаем купальню, потом мельницу, а за ней полицейскую береговую охрану, и через 15 минут против высокой крутой горы

останавливаемся у калитки русского сада московской патриархии. Русский сад этот снял в аренду мой знакомый югослав, женатый на русской. Он сам, жена и древняя ветхозаветная старушка с открытым русским лицом, приветливым и милым, встретили нас радушно. Иван Григорьевич, так зовут арендатора, похож скорее на грека. После обычных расспросов, он ведет нас по саду, а жена его, Катя, лет на 20 его моложе, принимается вместе со старушкой-матерью готовить обед. У них дочери: одна учится в Назарете в закрытой школе, а другая, младшая, — в местной.

Русский сад действительно напомнил мне мою родную сторону. Три ветхих домика, готовы вот-вот свернуться на бок, русская летняя кухня, покрытая камнем.

В нескольких шагах от домиков блестит в игре небольших волн водная гладь, над которой кружатся чайки.

Геннисаретское озеро. Столетние эвкалипты вокруг домиков напоминают чуть наши плакучие ивы: ветки этих древних деревьев тоже клонятся к земле, а сад, весь заросший высокой травой, запущен по-нашему.

В саду апельсины, маслины, розы, за ними чахлая банановая роща. По всему саду разбросаны теплые источники, выложенные камнем из черного базальта. В одном из таких источников купалась, верно, Мария Магдалина. Он расположен, примерно, в 10 шагах от озера, и к нему не особенно-то легко добраться: сваленные громады эвкалиптов, колючки выше человеческого роста и большие камни преграждали к нему путь… Весь берег озера усеян мелким камнем, гладко обточенным прибоем.

Русский сад — одно из красивейших мест в Израиле, и недаром многие предприниматели предлагали советской духовной миссии сдать сад им в аренду. Они хотели открыть там дом отдыха и курорт: привести всё в порядок, построить отель с видом на озеро и выуживать прибыли.

Миссия не согласилась на это: боялась, как бы сад ее прилип к чужим рукам.

— Куда же вы направляетесь? — спросил нас Иван Григорьевич.

— В Хулу, — ответил Николай. А я добавил: — Мимоездом заедем в Микдаль, Капернаум и в ту арабскую деревню, которой, мне говорят, более 2000 лет. Конечно, арабов сейчас в ней нет: все утекли в Сирию.

Иван Григорьевич усмехнулся:

— Неужели ваша колымага выдержит этот путь?

— Ну вот, — ответил Николай, — во всем Израиле мой «кадилак» притча во языцех. Одни его называют фургоном, дядя

Александр — тарантасом, а ты — колымагой. Дело здесь не в колымаге самой, а в шофере… Шофер водит машину, а не машина его. Другой на моей машине давно бы под откос свалился. Но дело не в этом, а главное: в безопасности. Где бы я машину ни оставлял, всегда целехонька. Никто не позарился утащить.

Иван Григорьевич жаловался на плохие дела: погиб урожай помидор, бананы чахнут, а от остального почти никакого дохода.

— Вот иногда в озерце рыбкой промышляю: то сазанчика, то сома… всё ж кое-какое подспорье. Еще хорошо, что миссия вошла в мое положение, не требует в срок арендной платы.

Нас пригласили к обеду. Подавали жареного сома, жареный картофель, колбасу, помидоры, бананы (они круглый год растут здесь), масло, появилась на столе и бутылка коньяку. На славу угостила нас хозяйка! Её чисто русское лицо, по которому можно было дать ей не больше 30 лет, сияло добродушием.

— Как в Сибири живем! — жаловалась она. — До Тиверии километров пять. Кругом одни, словно в ссылке какой. Да и ездить туда не к кому. Ведь мы недавно здесь, а то всё время в Назарете жили…

По просьбе хозяев решили дальше не спешить, а передохнуть в саду. Уж слишком манил он нас своим русским духом, а ветхозаветная старушка, мать жены Ивана Григорьевича, — своим воркующим приятным говорком. В ней, как нам казалось, едва-едва теплилась жизнь. И всё же она живо напомнила прошлое и тех далеких наших бабушек, при которых родина при всех недостатках своих жила свободно и неповторимо…